

ЛЕОНИДА
ПОДВОЙСКАЯ

МАКСИМ

ПРЕДТЕЧИ ЗВЕРЯ

Предтечи Зверя

Леонида Подвойская

Максим

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Подвойская Л.

Максим / Л. Подвойская — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Предтечи Зверя)

Как жить подростку, вдруг обнаружившему у себя паранормальные способности? Исцелять безнадежно больных, помогать слабым и обездоленным? Вмешаться в криминальные разборки и по своему разумению покарать виновных? А может быть, просто получить несметные суммы за исцеление сильных мира сего и жить в свое удовольствие? И еще мучает вопрос – кто ты теперь? Что выберет один из таких подростков – Максим, читатель узнает из одноименного романа Л. Подвойской, открывающего цикл «Предтечи Зверя». Автор характеризует жанр этого цикла как «Фэнэкшн» - «фэнтези и экшн», подчеркивая этим, что действия в ее романах происходят в очень похожем, но все же не в нашем мире. В действительности же «Максим» - это удачно дозированный коктейль детектива, фантастики, боевика и совсем немного – мистики. А еще – это светлая сказка, которая читается на одном дыхании.

© Подвойская Л.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Дорогой читатель!	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Леонида Подвойская Максим

Дорогой читатель!

В предисловии к первому изданию романа я подробно рассказала о причинах, побудивших меня описать историю подростков Максима и Алёны. Судя по письмам читателей, эта история была принята весьма благосклонно.

Вместе с тем были и замечания, и недоуменные вопросы, касающиеся, прежде всего, «слишком вольного» изложения обстоятельств, освещенных ранее СМИ совсем по-иному. Немного досталось автору и от медиков, и от летчиков, и от служителей Фемиды, и даже от разочарованных кладоискателей, вычисливших некоторые описанные в трилогии места.

Чтобы у Вас, уважаемый читатель, не возникало претензий и вопросов, полагаю необходимым пояснить следующее.

Совпадение имен и фамилий во всей трилогии – действительно лишь совпадение. Поэтому убедительно прошу: не ищите среди моих персонажей каких-либо прототипов.

Описанные в книге события также далеко не всегда и совсем не во всем соответствуют произошедшим в действительности. Например, мой первый роман писался по «горячим следам», важные сведения собирались по крупицам. Вы сами, наверное, помните, как странно преподносились нам и факты исцелений, и необъяснимые случаи «внесудебных» расправ над некоторыми представителями криминального мира. Мои знакомые из силовых ведомств первыми шепнули мне о невероятном – появлении подростков с паранормальными способностями. Затем мне несказанно повезло: я познакомилась с людьми, знавшими этих подростков – Максима и Алёну. Их историю я и предлагаю Вашему вниманию, уважаемый читатель.

Кто они? Результат эволюции или очередных экспериментов? Людены из миров Стругацких? Почему появились здесь и сейчас? А может быть, они – следствие цепной реакции при критической массе зла? Я намеренно не раскрываю этот важный вопрос, так как точных ответов пока нет. Слишком много слухов и домыслов. Слишком мало фактов. И пока мы не узнали всей правды, мои герои будут жить в очень похожем на наш, но все-таки своем мире.

Я с благодарностью приму от Вас любую информацию, если Вы тоже были участником или свидетелем тех нашумевших событий. Особенно признательна буду за любые сведения о дальнейшей судьбе моих главных героев – Максима и Алёны.

Глава 1

Максим пришел в себя, словно проснулся после тяжелого, изнурительного сна. С удивлением посмотрел на плохо окрашенные стены, на забинтованного подростка, лежащего на железной койке, и догадался, что находится в больнице. Не понял только – почему. На всякий случай очень осторожно пошевелил руками и ногами – убедился, что ничего не болит. Резко сев, посмотрел в высокое окно. Лучи весеннего солнца, струившиеся в палату, ослепили его. Макс зажмурился, с удовольствием наслаждаясь этим теплом. Его пробуждение не осталось незамеченным. В палату впорхнула втиснутая в белый халатик тетка (практикантке мединститута было всего-то двадцать два, но пятнадцатилетним такой возраст кажется едва ли не близким к старости).

– Ляг-ляг! Тебе еще нельзя вставать и делать резкие движения. Сейчас врача позову, – затараторила она, пытаясь теплыми полными руками уложить больного в постель.

– А что со мной? – настороженно поинтересовался Макс.

– Сейчас-сейчас, доктор все расскажет, – и, продолжая тараторить, медсестра помчалась в коридор.

В ожидании врача Макс повернулся на бок и, рассматривая палату, тщетно пытался вспомнить, что же с ним произошло. Две больничные койки пустовали, на третьей неподвижно лежал ранее замеченный пацан с перебинтованной головой. Пощупав свою, Максим убедился в отсутствии бинтов, шишек или шрамов. Непонимающе пожав плечами, он уставился в окно. Ветви каштанов уже выпустили робкие листочки.

– Вот это да! – ахнул он. – Сколько же я здесь? Тогда только каникулы начинались. Или листья рано поперла, или я здесь долго лежу. Но почему?

Раздумья прервал вошедший в палату солидный толстый доктор. Увидев недоуменный, но ясный, осознанный взгляд подростка, он по-доброму улыбнулся.

– Ну-с, молодой человек, как самочувствие?

– Нормально, – односложно ответил пациент.

– Это хорошо, что нормально. Где болит?

– Нигде, – пожал плечами больной.

Несмотря на то, что внешность и поведение врача располагали, подросток отвечал односложно, тем тоном, каким и разговаривают со взрослыми ребята его возраста.

– Так уж и нигде? Голова болит? Кружится? Тошнит? – последовало еще несколько вопросов, затем просьба вытянуть руки, достать кончик носа, посмотреть вправо-влево на докторский молоточек.

– Ну, молодцом, молодцом. Значит, дело на поправку, – заключил, наконец, эскулап. – Но пока ты не усердствуй. Без нужды не вставай, резких движений не делай и ни о чем неприятном не думай.

– Я хочу понять, почему я здесь?

– Но, может, сначала ты скажешь, что с тобой случилось?

– Не знаю!

– А что помнишь?

– Ничего. Нет... помню, что каникулы начались. А потом... не знаю...

– Ну вот, сам видишь: амнезия, то есть потеря памяти, которая наблюдается после травм или при тяжелом стрессе. Кстати, когда тебя последний раз били по голове?

– Неделю назад, – быстро ответил подросток. – То есть, за неделю до каникул.

– Что, подрались? – сочувственно понизил тон доктор.

– Да нет, на тренировке.

– Ах да, твой отец говорил, что ты боксируешь. Наверное, это немодно уже.

– Не боксирую, только тренируюсь.

– Но по голове уже получаешь?

– А как же, – с готовностью отозвался больной. – В конце тренировки пробуем. Порой и перепадает. Но не сильно.

– Так вот, сынок, ты получил сотрясение либо на тренировке и сам того не заметил, либо тебя что-то очень сильно напугало. Во всяком случае, ты был доставлен к нам без сознания и пробыл в таком состоянии вот уже... две недели. Вероятнее всего... но это потом.

– Что? Ну скажите, что «вероятнее всего»?

– Скажем так, – осторожно сформулировал доктор, – вероятнее всего, ты увидел что-то, что показалось тебе ужасным.

– Что это могло быть?

– Бог весть...

– И из-за этого я был без сознания? – иронично спросил беспокойный больной.

– Хорошо, что все обошлось благополучно. Отчасти... – все-таки уточнил врач.

– Но, доктор...

– Все-все. В остальном тебе придется мне поверить. Лежи и выздоравливай. Перед сном поговорим еще.

– Отцу-то сообщите, что я пришел в себя.

– Молодец, вспомнил. Значит, действительно, пошел на поправку. Обязательно позвоню.

А если что понадобится, обращай к медсестре.

Доктор остановился около перебинтованного соседа Максима, вздохнул и ушел.

Разговор с толстым доктором хоть и успокоил, но все же озадачил Максима. «Две недели здесь... Круто. Это что же, и каникулы провалялся, и тренировки пропустил? Но что, черт побери, все-таки случилось? Дали по голове на тренировке? – Он вспомнил, как безуспешно гонялся по импровизированному рингу за противником. (Такой уж попался – намного мельче, вертлявый, но нагловатый, выпендривался, «косил» под великого технаря, пока не получил плеху.) – Нет, до головы он ни разу не достал, а вот печени разок досталось, когда я заезжался». – Юноша поймал себя на том, что с точностью до мгновенья вспомнил те, уже почти месячной давности, события. – «Тогда пойдем по цепочке, – решил он, вновь подставляя лицо под лучи солнца. – Так, это я помню. Хорошо. Последний урок, выставление оценок. Еще бы не помнить! Это же так лажануться!»

По литературе его в четверти вызывали пять раз подряд. Все пять он отвечал на «отл.» и посчитал, что хватит. Не выучил стишок, чтоб его! И на тебе, вызвала шестой раз и вклеила «неуд.». А затем спохватилась и, чтобы исправить, вызвала еще четыре раза. В том числе и на последнем уроке. Образ главного героя романа. Максимум вспомнилось, как раскрывал этот образ. Даже самому понравилось. Почти весь урок. Ну, минут тридцать точно.

«Но ведь помню! Помню даже эту восхитительную картину в журнале – пять «отл.», одна «пара», снова пять «отл.» и «отл.» за четверть. Но все-таки какова училка! – подумалось ему. – Ну что она ко мне пристала? Та-ак. Потом мы шли домой. Потом пили коктейль в кафетерии. Потом дома читал книгу, пока не пришел отец. И он что-то сказал. Что? Ну? Что же он мог сказать такого страшного? Нет, не помню, – мучился в догадках Максим, но память отказывала именно здесь. – Вот хлопнула дверь, вошел отец, слышно, как в коридоре он снимает сапоги. Я откладываю книгу и показываю ему дневник».

– И что? Есть, чем похвалиться? – спросил отец.

– Я как бы и не хваюсь, а так, просто расписаться надо.

Отец доволен. Видно, что доволен, улыбается. И, улыбаясь, говорит:

– Что, что?

В это время тяжело застонал, а потом страшно закричал сосед по палате – подросток с забинтованной головой. Этот крик подбросил Макса и вынес его в коридор.

– Там, там... этот, – сбивчиво сообщил он сидящей за дежурным столом уже знакомой медсестре.

– Ничего, – успокоила юношу толстушка и кинулась в палату. – Это у него бывает. После операции. Ты не бойся. Я ему обезболивающее уколою, и он опять спокойно ляжет...

Но Максим уже не слушал тараторку. Мимо на каталке быстро провезли кого-то забинтованного.

– Девушку машина сбила. На операцию повезли. Тяжелая. Сам профессор будет оперировать, – также глядя вслед, объяснила, вернувшись, медсестра.

– Это который? – рассеянно поинтересовался занятый своими мыслями подросток.

– Который тебя лечит. Ну, сегодня приходил, Василий Иванович. Золотые руки! Только здесь – вряд ли... хотя загадывать не надо. Твоего соседа по палате Василий Иванович с того света вернул. Вроде выздоравливает, хотя и кричит от боли пока... Ну хорошо, иди в палату, отдыхай. Скоро твой отец приедет. Профессор позвонил.

Юноша кивнул и, оторвав взгляд от закрывшейся в операционную двери, неуверенными шагами поплелся к туалету. Там он долго с удивлением таращился в зеркало – рассматривал свое лицо, словно не узнавая себя. Он и одновременно – не он. Те же карие глаза (от отца!), те же густые темно-каштановые волосы, порядком отросшие, те же широкие брови. Но детская припухлость щек сменилась туго натянутой на скулах кожей. Глаза запали и казались неестественно большими. Даже бывший предметом насмешек нос – «картошкой» – теперь заострился и приобрел более правильные нордические очертания. И губы вот... – подросток вытянул их трубочкой, потом поджал, потом улыбнулся. – Уже не «губки бантиком». Хотя... Нижняя осталась такой же пухлой. Но в целом увиденное Максиму понравилось. Из зеркала на него смотрел тот, кем ему и хотелось быть, – по крайней мере, уже не ребенок. Объяснив это значительным похуданием, Максим принялся за гигиенические процедуры.

Появление отца в майорских погонах и с новенькой Звездой Героя на груди было исключительно эффектным.

– Сразу после службы. Да и профессор настаивал, говорил, положительные эмоции тебе нужны, – смущенно оправдывался он за свой вид, прижимая сына к пропахшему куревом кителю. – Ну, а ты? Как себя чувствуешь?

– Ничего, папуля, нормально. Но ты... ну, ты... – Максим глупо широко улыбался, по-детски таращась на Звезду. – Ты молодец, папуля, – наконец нашел он нужные слова. – Я всегда знал, что ты у меня герой. А как? За что?

– Так ты ничего не знаешь? Тебе ничего не говорили? – осторожно поинтересовался Белый-старший, сядя на кровать и выкладывая на тумбочку всевозможную снедь.

– Нет, ничего. Рассказывай, рассказывай быстрее!

– Посадил аварийный самолет на глазах у Главного.

– А подробнее?

– Вернешься домой, все подробно расскажу.

– Ну, хоть немножко.

– Нет, здесь не будем, – твердо оборвал клянчанье отец. – Рассказывай, как ты здесь.

– А, секреты! – по-своему истолковал это Макс. – Тогда ладно. Чего ты там понавез? Лучше бы книжку какую. Нормально я. Профессор осмотрел, сказал, что поправляюсь. Что случилось, допытывался. А я, честное слово, не помню. После его ухода вспоминал, вспоминал... До того, как ты пришел со службы вечером, помню, как показал дневник, помню, а дальше – провал.

– Не волнуйся, главное – спокойствие.

– Это Карлсон говорил.

– Это нам твой Василий Иванович говорил. Ты отъедайся. Это тоже профессор говорил. Пока вот соки, пасты, шоколады. В школе все нормально. Директорша сказала, что помогут наверстать. Невеста твоя интересовалась, тоже обещала помочь.

– Ай, ну папа, – засмутился Макс.

Невестой отец называл школьную подружку сына. Когда-то они сидели за одной партой, потом разные интересы охладили их отношения, сейчас же затаившаяся взаимная симпатия перерастала во что-то иное, о чем подросток вообще не хотел говорить с кем бы то ни было.

– Да ладно тебе. Какую книгу привезти?

– Мне Женька обещал. Еще до каникул. Может, свяжешься? Он знает.

– Найду. Ну, пора. Врач просил долго по первому разу не засиживаться.

– Да, езжай. Когда снова будешь?

– Теперь часто, – офицер крепко обнял сына и ушел, оставив в душе юноши радостное ощущение любви, тепла и нужности на этом свете.

Помахав ему в окно, больной развернул свертки и только сейчас почувствовал, как проголодался. Поев разных вкусных фруктовых кашек, подросток с какой-то хитрецей покосился на конфеты, а затем блаженно закрыл глаза, в точности выполняя предписания тихого часа.

Разбудил его вечером мрачный Василий Иванович. Сугубо по-деловому осмотрев юношу, он сказал:

– Молодцом, продолжай в том же духе, – после чего повернулся к больному на соседней койке.

– Василий Иванович, когда меня выпишут? – жалобным голосом спросил Максим.

– А что, тебе плохо здесь? Только очухался, и уже надоело? Не нравится?

«А что здесь должно нравиться?» – хотел, было, спросить Макс, но, взглянув в грустные уставшие глаза профессора, осекся.

– Четверть кончается. И год.

– Переведут без экзаменов. Выведут средний. Все равно напрягаться тебе долго нельзя будет. Так что отдыхай и выздоравливай. Мы еще с тобой обстоятельно поговорим на эту тему, – пообещал профессор, уже стуча по конечностям его соседа.

Глава 2

– Угощайтесь, угощайтесь. Мне все равно много пока нельзя. Да, а как меня до этого кормили? Кололи? – спросил Максим у медсестры.

– Да, первых несколько дней кололи, а потом потихоньку из ложечки кормили. И ничего, глотательный рефлекс утрачен не был. Правда, давали только жидкое или пюре, тоже совсем жиденькое. Так что сейчас смотри, никакого мяса раньше времени.

– Вот я и говорю: угощайтесь. Почему это Чапай такой злой? – поинтересовался Максим.

– Кто? – не поняла толстушка. Максим уже выяснил, что зовут ее Светлана, и, чтобы кое-что выведать, пригласил на отцовские конфеты.

– Ну, Василий Иванович ваш...

– Не надо так, – серьезным тоном упрекнула девушка собеседника и даже отложила конфету. – Он не злой. Просто он очень уставший и подавленный. Помнишь ту девушку? Шесть часов операции. Шесть часов, понимаешь? И не ногу какую-то отрезать, а мозг оперировать. Ювелирная работа. Но не всегда и не все подвластно даже ему. Наверное, умрет бедняжка. Хотя надо надеяться и бороться до последнего, – спохватилась она, тяжело вздохнув. – А потом, после операции, – разговор с родителями. Соври, успокой, что все нормально, а вдруг раз – и все. Как потом в глаза им смотреть? Сказал, что сделали все возможное, но ни за что ручаться нельзя. Мать – тотчас же с инсультом, уже тоже наш пациент, а отцу надо на службу. Он тоже офицер. Какой-то большой начальник у вас. Пушкарев его фамилия. Знаешь такого? Представляешь, завтра приедет, а дочь...

– Пушкарев... Значит, она... – ошарашенно прошептал Максим.

Он хорошо знал эту девчонку – синеглазую красавицу Анюту. «Анютини глазки – цветочек из сказки», – сочинил он когда-то в рифму и, написав эти слова на бумажных самолетиках, забросал ими ее балкон (в их же доме, но через подъезд и этажом ниже). Обратила ли она внимание? Наверное, хотя она этого не сказала, но вскоре он здорово получил от ее более взрослых ухажеров. Было это в детстве, три года назад, поэтому теперь почти забылось. После они никогда не общались и, кажется, об этом не жалели. И теперь она... ее... Почему-то навернулись слезы. Ну, не почему-то, а от жалости.

– И что с ней теперь? – спросил Максим.

– Профессор сказал, что травма тяжелая. Да оно и так было видно. Весь череп... но тебе ведь нельзя волноваться!

– Ну расскажите, пожалуйста. Тем более, что уже все и рассказали.

– Ладно. Теменная кость раздроблена. Мозги видны. Привезли, сразу – трепанация, а затем... – и студентка, гордясь своими знаниями, начала сыпать мудреными терминами.

– Но я не понимаю. Вы бы мне по-русски.

– А вся медицина на латыни.

– И что, нет шансов?

– Неизвестно. Травма мозга очень серьезная, несовместимая с жизнью... почти.

– Но только «почти»?

– Все может быть. А даже если выживет, будет инвалидом. Паралитиком...

– Зачем тогда вообще жить? – выдохнул Макс.

– Не знаю, – вздохнула медсестра. Ей было всего двадцать два, она тоже не представляла себе, зачем жить, не имея возможности двигаться. – Ну все, спать. Будет мешать сосед – позвешь меня, я на дежурстве.

– Спасибо, спокойной ночи.

– И тебе спасибо. Выздоровливай.

Сосед не мешал, но уснуть не удавалось. Хотя какое там не удавалось? Максим и не пытался. В окно светила луна, в открытую форточку прокрадывался волнующий запах рано зацвевшей сирени. Наверное, специально, чтобы пациентам болеть не хотелось. И умирать – тоже. Гнетущая тоска охватила сердце. Хочешь не хочешь, а когда-то придется. Вот Аня тоже не хотела. Не хочет. Он вспомнил ее на школьных вечерах. И если в школьной форме она была красива, то на вечерах или дискотеках была, как бы это точнее выразиться... да ладно, неважно, как это называется! И не в том дело, что она не с ним. Он и не пытался. Кроме тех идиотских самолетиков... Лицо его вдруг залилось краской от давнего воспоминания, он подумал: «И по делу меня тогда отходили. Подло, правда, что втроем, ну она-то здесь при чем?»

И вот теперь она рядом умирает. А он не может помочь. Почему не может? И даже не пытается? А как? Да хоть как-нибудь, надо попробовать!

Не совсем осознавая, что делает, Макс накинул халат и выскользнул в коридор. Светлана сидела, склонившись над столом, – то ли читала, то ли дремала. Парнишка тихонько прошмыгнул в реанимацию. Благо, все эти требования о закрытых дверях здесь, как и во многих других знакомых нам больницах, успешно игнорировались. Не усидел на месте и дежурный врач – засел в ординаторской с дежурным хирургом. Типа: «Ну и что? В конце концов, в случае чего аппаратура сразу даст знать и сюда, а мне отсюда – пару секунд. И ва-аще...».

Пушкарёва лежала одна в холодной, страшной темноте, с зашторенными окнами. Только мерцали зелеными светляками какие-то индикаторы и монитор высвечивал биение сердца Ани. «Видимо, чтобы свет не мешал, – мелькнула мысль у визитера. – Но как может мешать свет? Особенно лунный?»

Он осторожно отодвинул штору – ровно настолько, чтобы луна могла освещать лицо девушки. Аня лежала без сознания. Лицо ее было почти такое же белое, как бинты на голове, изможденное, безжизненное.

«Умрет», – с ужасом подумал юноша и нащупал ее холодеющую ручку. Почти не осознавая, что делает, Максим представил, как его пульсирующая горячая кровь, его силы по пальцам переливаются в руку бедной девочки. И вдруг через несколько секунд он начал почти наяву ощущать это.

– Аня, открой глаза, – неожиданно даже для себя попросил он – и словно два василька выглянули из-под снега.

– Слушай меня, – откуда-то из глубины души, почему-то глухо, сами собой стали вырываться слова. – Ты не умрешь. Ты ведь не хочешь умирать. Ты будешь жить. Слушай и чувствуй. Бери мои силы и живи. Бери, бери, бери...

Теперь он уже явно ощущал, как горячая волна от его сердца катится по руке, струйками просачивается через ее пальцы дальше и такой же горячей волной разливается по телу девушки. Но в это же время от нее к нему черными струйками начала просачиваться боль. Вначале покалывало пальцы, затем стало жечь руки, потом волна боли захлестнула его всего. И на новую волну переданного тепла приходила новая волна боли, пронзительной, ослепляющей, заставляющей напрягаться каждый нерв.

– Бери и живи, бери и живи. У меня много. Бери... живи... – повторял он, с каждой такой волной окунаясь все глубже и глубже в глаза девушки и едва сдерживая себя, чтобы не закричать от боли.

Луна уже перестала заглядывать в щель между шторами, когда Аня, легко вздохнув, закрыла глаза и уснула. Максим почти физически почувствовал, что она больше не в силах ничего от него взять. А он – не может дать. Оставив потеплевшую руку, юноша подошел к окну и долго, собираясь с силами, смотрел на лунный диск. Боль медленно уходила, стекая с пальцев невидимыми струями. Затем он медленно, хватаясь за стены, вышел из палаты, незамеченным добрался до своей койки и провалился в глубокий сон.

– Подъем, подъем, подъем, – разбудил утром Максима радостный голос Василия Ивановича. – Я понимаю, что для выздоравливающих и сон – лекарство, но не до такой же степени. Уже осмотр, пора хотя бы глазоньки протереть.

Перед сонным подростком сидел ликующий профессор. Сейчас он был очень похож на собирающегося взлететь майского жука – даже усы так же распушились.

– Э-э-э, брат, да ты совсем ослаб. Ты чем это ночью занимался?

– Спал, – хмуро ответил юноша, протирая глаза.

– Что-то не похоже, – засомневался врач, осматривая, ощупывая и простукивая пациента. – Впрочем, ладно. Кошмары не снились?

– Скорее всего, сказки, – вспомнил прошлую ночь Максим.

– Сказки, это ничего. С сегодняшнего дня – только общеукрепляющие, – обратился он к пришедшей с ним врачихе. – Но не усердствуйте. Больше покоя.

И что-то мурлыча под нос, ушел в сопровождении бело-халатной свиты.

– Чего это он? – поинтересовался Макс у Светланы, когда она раскладывала таблетки на его тумбочке.

– Девочке лучше. Просто чудо. Думали, до утра не доживет, а она жива. И, видимо, выкарабкается. Слава богу, – с радостной улыбкой прокомментировала медсестра.

– Когда вы снова придете?

– Во вторник. Мы сутки дежури́м, а в течение полутора суток отдыхаем.

– Я вас попрошу: принесите, пожалуйста, газеты. Ну, которые про отца.

– Ой, не знаю, можно ли тебе?

– Но профессор сказал, что ничего страшного, то есть уже можно.

– Хорошо, поищу. Выздоровливай. Если что, ты Марины не стесняйся. Она только с виду строгая, – охарактеризовала она свою сменщицу.

«Ей, ровеснице, а может, и подружке, хорошо говорить «не стесняйся». А тут такая красавица!» – подумал Макс, когда новая медсестра пришла за пустой посудой.

Надо отметить, что, во-первых, белый цвет украшает любую девушку, а белый халат – любую стройную женщину. И, кроме того, не так много наяву видел красивых девушек наш обитатель военного городка.

– Может, помочь чем? – попытался он вступить в контакт, когда эта красавица ворочала его бессознательного соседа.

– Себя обслуживай – это уже помощь, – довольно резко отклонила она его предложение.

Подросток замолчал и стал думать над тем, что же случилось с ним прошедшей ночью. Может, все ему только приснилось? А улучшение состояния Анюты – совпадение? «Ничего себе сон», – содрогнулся он, вспомнив о пережитой боли.

А если попробовать еще раз? Провести такой же эксперимент с соседом. Ведь он тоже лежит в беспамятстве или кричит. Ну и что, что «тундра», ведь тоже страдает.

Дело в том, что давным-давно, когда только полк прибыл сюда из Сибири, местные ребята тут же окрестили пришлых «тайгой». Те не остались в долгу и назвали аборигенов «тундрой». Максим не разделял этой предвзятости и старался относиться к «тундре» объективно.

«Но стоит ли терпеть?» – вновь вспомнил он перенесенную боль.

В самом начале тихого часа Макс все же решился и подошел к соседу. На этот раз он легко коснулся руками забинтованной головы в том месте, где сквозь бинты вновь просачивалось красное пятно, попробовал пустить сквозь пальцы ту же волну, но сейчас же, вскрикнув, отдернул кисти. Боль пришла мгновенно, словно от прикосновения к раскаленному металлу.

– Да что это такое? – недоуменно прошептал он. – Значит, не снилось? Но раньше-то такого не случилось.

Он посмотрел на свои руки, пожал плечами и вновь приблизил к голове больного. «Надо терпеть, – уговаривал он себя. – Если получается, надо помочь. Мучается же парень. Вон сколько времени в себя не приходит. Надо помочь».

И – странное дело – боль отступила, вместо нее нахлынула горячая волна силы, которой он щедро делился с безответным бедолагой. Настолько щедро, что вскоре пол поплыл под ногами. «Еще чуть-чуть, еще капельку», – уговаривал он себя, чувствуя, сколь нуждается в этом больной. Затем добрался до своей кровати, свалился и уснул.

– Ну и здоров ты все-таки спать, – вновь разбудил его голос профессора. – Как ни приду – он спит. Может, ты и раньше просто крепко дрых? – тормошил врач подростка. – Ну-ну, молодцом. Динамика замечательная. Хотя и не такая, как у соседа. Бурно выздоравливает. Пока ты спал, он вдруг встал и пошел в туалет. Чудеса современной медицины. Мы думали: гарантированная обездвиженность, хотя бы очнулся, а тут... В общем, теперь у вас палата выздоравливающих.

– Скажите, а та девушка?

– Почему она тебя интересует? – нахмурился врач. Он уже взялся за «бурно выздоравливающего», который, правда, в это время не шевелился. То ли спал, то ли вновь был без сознания. – Ну, ничего, ничего, начало положено, рефлексy проявились.

– Да знакомая она моя...

– Медицина не всесильна. Наверняка будет жить, а вот все остальное...

– Обездвиженность? – повторил Максим только что произнесенный Чапаев термин.

– Запомни, дорогой, врачи диагнозы и вероятности исхода лечения с другими больными не обсуждают. – Профессор тяжело вздохнул. – Всегда хочется большего. Будем бороться! – с каким-то вызовом сказал врач, уже выходя из палаты.

Позже приехал отец, вновь привез свежих овощно-фруктовых кашек, пожурил сына за то, что плохо ест. Подросток оправдывался, мол, сыт и энергию не на что тратить.

– А ты затрачивай побольше на выздоровление, – посоветовал отец. – Привет тебе от невесты.

– Ай, ну папа...

– Шучу. И от Женьки, и от других одноклассников. Собираются провести.

– Ну, вот еще, – застеснялся юноша. – Тоже мне тяжелобольного нашли. Кстати, ты знаешь о Пушкаревой?

– Да... Ее отец меня и подвез. Несчастные родители. Вначале молились, лишь бы выжила. А теперь...

– Профессор говорит, будут бороться.

– Да, конечно, надо надеяться. Вот тебе твое чтиво, но не усердствуй, доктор сказал – в меру.

Затем они поговорили ни о чем и старший Белый засобирался. Отец Анюты ехал домой, чтобы решить служебные дела и вновь разрываться здесь между женой и дочкой.

Сосед по палате мирно похрапывал. На тумбочке уютно горела лампа. Красивая медсестра не появлялась. Максим, анализируя прожитые сутки, пришел к выводу, что в нем появилась или проявилась способность к целительству. Выросший в эпоху повального увлечения всевозможными паранормальными явлениями, он скорее обрадовался, чем удивился этому обстоятельству. Но вот боль... Он ранее нигде не читал, что целительство столь мучительно для самого врача. Да и те, кого подняло на щит телевидение, не морщась, лечат целые толпы. А тут из-за одного или одной – столько боли и такая трата сил.

Внезапно его осенило. А что, если это временно? Вот завтра проснется, а этого уже нет. И он не успеет. Надо... Прямо сейчас, пока возле нее никого нет. Максим поднялся и вышел в коридор.

– Я быстро, – ответил он на немой вопрос дежурившей красавицы Марины и направился в сторону туалета, а когда та склонилась над книгой, метнулся в реанимацию.

Здесь ничего не изменилось. Разве что шторы теперь были раздвинуты, да из капельницы в вену на тонкой руке неподвижной девушки сочилась какая-то жидкость. Непонятно откуда зная, что делать, Макс, даже не касаясь, поднес руки к голове несчастной и замер, ожидая боли. И она вновь пришла – на этот раз тупая, саднящая.

– Да что же это? – всхлипнул целитель, но тут же, потрясенный, замолчал, уставившись на пальцы рук.

Маленькие искорки пробегали от запястий к кончикам пальцев и накапливались там, заставляя их светиться все более ярким и ярким светом. И словно некий барьер мешал этому свету вырваться, политься дальше.

– Бери, бери, – шептал он, как в прошлый раз, но отчетливо видел: он сам не давал той целительной силы, в которой так нуждалась девушка. Кончики пальцев уже светились настолько ярко, что освещали бледное лицо девушки, когда Максим вдруг понял – он так боится этой боли, что желает быстрее от всего этого отделаться.

– Нет! Пускай! Она должна... Она не будет калекой. Ну же! Не боюсь. Давай!

Боль вновь ослепила его. Но таинственный свет («Какое-то поле», – подсознательно решил юноша) двумя прямыми лучами коснулся висков девушки, затем растекаясь по ее голове и явно стал просачиваться сквозь бинты.

– Открой глаза, – решительно и в то же время радостно сказал он, – и тут же окунулся в их глубину.

– Бери это. Впитывай. Ты будешь ходить, бегать, прыгать, танцевать. – Пронзительная боль не давала возможности сосредоточиться, и Максим с трудом подбирал слова. – Ты будешь абсолютно здорова, – нашел он, наконец, правильную формулу и вдруг почувствовал сопротивление своим словам и мыслям.

Повторяя слова об абсолютном здоровье, он попробовал, как в прошлый раз, послать не эти ручейки, а волну своей неведомой силы. Что-то мешало, и юноша, мотая головой от мучительной боли, попробовал сосредоточиться на путях светящихся ручейков. Это удалось, и он вдруг ясно представил, как пульсирующие волны растекаются и, словно губкой, впитываются розовыми, похожими на мелкие цветочки, клеточками мозга. Дальше, дальше... А здесь? А здесь зияла пустота, пропасть.

«Прооперированный участок, – понял Макс. – Надо соединять».

Он попытался добавить силы светлым лучикам, и это отозвалось еще более жгучей болью.

– Ничего, – успокоил он девушку, испуганно глядевшую на него. – Ничего. Ты выздоровеешь. Ты скоро выздоровеешь.

Еще немного боли, и он уже не увидел, а почувствовал, что его флюиды все же прорвали этот черный барьер.

– Вот так, вот так, – приговаривал он, отправляя этих таинственных посланцев здоровья все глубже и глубже в раненый истрадавшийся мозг.

И рана сдалась! Он увидел, как ярко-чистым голубым огнем вспыхнули лучи его пальцев, как окуталась свечением вся голова девушки. А вскоре свечение погасло само собой. Угасла и боль.

«Или силы кончились, или больше не надо», – решил Максим.

Он вновь был так опустошен и измучен болью, что даже не заметил, выходя, как Анюта повернула голову и посмотрела ему вслед. Он в этот момент столкнулся взглядом с медсестрой, стоявшей в дверном проеме. Судя по расширенным до последней степени зрачкам, она что-то видела, но пока не могла понять, что.

– Все потом. И помогите, – попросил целитель, опираясь на стену.

С присущей медсестрам сноровкой Марина подхватила оседающего нарушителя режима под мышки и поволокла по коридору. Уже у палаты они встретились со спешившим в реанимацию Пушкаревым.

– Как она? – строго спросил полковник медсестру.

– Ничего. Все так же. Это я вот, в туалет... помогала, – испуганно залепетала, оправдываясь, девушка, кивая на Максима.

Грозный офицер хотел, видимо, спросить еще что-то, но, вздохнув, грузно зашагал в реанимацию.

– А теперь я тебя спрошу, – затащив Макса в палату и бросив его на кровать, зловеще прошипела медкрасавица. – Что ты там делал? – с расстановкой произнесла она. – Ну? Что ты там делал? – повторила она и, не дождавшись ответа, стала трясти Макса за лацканы. – Ты расскажешь мне, пока я не подняла шум. Ну?

Максим молчал, засыпая. Ему совершенно не хотелось разговаривать, а тем более что-то объяснять. Дознание прекратилось самым неожиданным образом. Прогремели шаги, и открывшийся дверной проем заполнила фигура Пушкарева-отца.

– Сестра, сестричка, родненькая... быстрее, – пролепетал он и кинулся назад.

– Ну вот. Молись, гаденыш. Не дай бог... Сама удавлю, – пообещала девушка дремавшему Максиму, бросаясь вслед за Анютиным отцом.

Юноша успел еще заметить ненависть в ее зеленых глазах, проваливаясь в сон.

– Интересно, что она подумала? И что бы я подумал, увидев такое? А вообще, что она видела? – сквозь дрему спросил сам у себя Максим.

Глава 3

На следующее утро новоявленный целитель проснулся еще до обхода. Виной тому были лучи раннего весеннего солнца и мягкие нежные прикосновения. Кто-то тихонько гладил его по лбу и щекам. Пальцы, прикасавшиеся к его лицу, пахли ароматным мылом, духами и лекарствами. Еще не открыв глаза, он догадался, кто это.

– Пришли душить? – улыбнулся он, встретив на этот раз мягкий задумчивый взгляд зеленых глаз.

– Ты меня прости – сдавленным голосом попросила Марина.

– А что случилось?

– Но ты-то же должен знать!

– Откуда? Я же уснул...

Медсестра, волнуясь, принялась рассказывать. Вбежав в палату, она увидела склонившегося над девушкой отца, который приговаривал:

– Смотрите, сестра, смотрите же! Она открыла глаза! Она повернула голову!

Больная вдруг улыбнулась и положила свою ладонь на руку отца.

– И тут, и тут... – Марина стала запинаться. – И тут этот мужчина, этот мамонт, просто упал на табуретку и разрыдался. Ты бы видел... И я... тоже.

Медсестра не могла больше сдерживаться и заплакала.

– Значит, он очень любит свою дочь. А вы?

– У меня нет дочери, – недоуменно ответила девушка.

– Нет, а вы отчего плакали? И вот теперь...

– Она же начала двигаться! И это ты! Ты! А я думала...

– Что? – даже привстал от любопытства Максим.

– Плохо думала, – покраснела и вновь захлеб разрыдалась совестливая девушка.

– А дальше что?

– Кто ты? – вдруг, перестав плакать, спросила Марина. – Я никому не скажу. Клянусь. Ты хотя бы намекни. Ее отец сказал, что будет молиться за ангела-спасителя. Это получается... за вас? – уже со страхом и уважением спросила девушка.

Она даже не заметила, как стала обращаться к этому юнцу на «вы».

– Да что вы, пусть за профессора молится.

– Не надо «ля-ля», – девушка по-заговорщицки наклонилась к Максу и шепотом продолжила: – Когда я позвонила профессору домой, а в случаях ЧП надо его сразу вызывать, он подумал, что все... Я по голосу поняла. Потом говорю, что она головой и руками двигает, а он не верит. Но тут счастливый папаша трубку у меня вырвал и подтвердил. Когда В. И. примчался и посмотрел на то, что с ней творится, он сам чуть в обморок не упал. От удивления и от радости. Обследовал и все головой мотал... Вот... А вы говорите: «Профессор». Он сам сказал: «Чудо». Скоро увидите, какой он сегодня. Уже идут. Ладно, потом.

Она легко вскочила и выпорхнула из палаты.

– Доброе утро, – стремительно вошел в палату профессор. – О, уже проснулись? Ну, молодцом, молодцом. Давайте посмотримся. Та-ак. Общая слабость, но не столь значительная. Смотрим сюда... ножку на ножку... Та-ак. – Профессор с улыбкой уставился на пациента. – Выздоровливаем, мой друг, выздоравливаем. Если так пойдет дальше, то скоро... Но не будем загадывать... кое-что я вам отменю. Из сильнодействующего. А то тошнит, небось? – испытующе заглянул в глаза Максиму хитрован-профессор.

– Вроде нет, – пожал плечами пациент.

– Это меня тошнит, профессор, – раздался хриплый голос с соседней койки.

Реакция профессора на эту жалобу была потрясающей. Он возмущенно повернулся к встрявшему в разговор больному, затем замер, всматриваясь в выглядывающие из-под повязки глаза.

– Заговорил, – констатировал он и почему-то вышел из палаты. Затем вернулся и, заметно сомневаясь в происходящем, обратился к Максиму соседу:

– Вы что-то сказали? – спросил он.

– Это меня от лекарств тошнит, – повторила «повязка».

– Он заговорил. Нет, он, правда, заговорил. Это неслыханно. Не-слы-хан-но, – повторил по слогам профессор. – Просто поле чудес какое-то, – просиял он, наконец. – Голубчик, вас надо незамедлительно и самым тщательным образом обследовать. Вчера вы вдруг начали ходить. Ну, этого следовало ожидать... со временем. А сегодня он, пожалуйста, разговаривает! Готовьте на томографию, – распорядился он и вышел, что-то объясняя врачам и практикантам на латыни.

И тут же в палату свежим весенним ветром впорхнула медсестра.

– Я сейчас сменяюсь. Но не уйду, пока не скажете, кто вы, – зашептала она. – Признавайтесь, признавайтесь. Ведь и его, – она кивнула головой в сторону соседа, – тоже вы. Признавайтесь, а то все профессору расскажу.

– Марина, я вас очень прошу, – для убедительности Максим заглянул в самую глубь зеленых глаз и продолжил: – Ну, не надо... Я и сам не знаю...

– Ну ладно. Я потерплю. Пока узнаете. Но за вами должок. Мое дежурство закончилось, – улыбнулась медсестра, забрала с тумбочек пустые склянки и вышла.

– Странная какая-то, – сделал заключение вдруг разговорившийся сосед.

– Это точно, – улыбнулся Макс новому собеседнику.

– Хома, – представился парень, протягивая руку.

– Максим, – автоматически ответил наш герой и тут же спохватился: – Кто?

– Ты плохо слышишь или я тихо говорю?

– Нет, извини. Просто редкое имя.

– Редкое, – самодовольно подтвердил Хома.

Знакомство было прервано санитарями, увезшими обладателя редкого имени на назначенные счастливым профессором обследования.

– Удалось, могу, – наконец поверил в себя Максим.

Он представил плачущего от счастья Анютиного отца, ее полупрозрачную руку на здоровенной мужской ручище, и у него самого навернулись слезы. А затем его захлестнула теплая волна счастья. Ради этого стоит терпеть жуткую боль и слабость. С этим радостным чувством Максим вновь уснул, подставив лицо пробивающемуся сквозь давно немые окна солнцу...

– Опять, – тоскливо подумал Макс, просыпаясь от сдавленного стога.

Он вспомнил боль последнего «сеанса» и поморщился. Но тогда было надо. Там – девушка с тяжелой травмой. А здесь? За что терпеть? Тем более, что уже идет на поправку. Уколют – и боль пройдет. Он вновь взялся за книгу.

– Чего они тебя сегодня не колют? – спросил он через некоторое время.

– Отменили. Говорят, хватит, а то привыкну к наркоте.

– И что теперь?

– Терпеть надо. Теперь – всю жизнь терпеть.

– Это как, всю жизнь?

– Вот так.

– Ясно, – вздохнул Максим, пытаясь не замечать перекошенного лица соседа и не слышать его прерывистого дыхания. Вот еще одного вылечили. Оставили калекой. Нет, оно бывает, чтобы после операции боль возвращалась. Но на всю жизнь? Он вновь тяжело вздохнул, представив этот ужас.

- Может все-таки попросить?
- А завтра? А послезавтра?
- Ну, утихнет понемногу.
- Там какое-то давление высокое. Надо терпеть, привыкать.
- Ясно, – вновь вздохнул Максим, решаясь.

Когда сердобольная медсестра все же сделала Хоме обезболивающий укол и тот уснул, Макс собрался с силами, уже знакомым жестом протянул к голове спящего руки и начал посылать с кончиков пальцев то самое, поднимающееся откуда-то из глубин, тепло. Вскоре пальцы засветились. Ожидая приступ боли, юноша закрыл глаза и стиснул зубы. Она пришла – столь острая, что Макс отпрянул от больного. Боль, пульсируя, начала утихать.

– Не смогу. Ну и пусть. Это его боль. И кто он мне? Еще неизвестно, чем это для меня обернется. Я что, нанимался? – оправдывал он себя.

Максим вытер выступивший на лбу обильный пот. «Как в парилке», – подумалось ему. Взгляд упал на пальцы – их кончики едва светились.

– Но ты же можешь! – уговаривал он себя. – Можешь. Неизвестно, почему, и неизвестно, сколько. А если завтра эти чудеса закончатся? Всю жизнь будешь жалеть. Ну, еще разок, потерпи.

Максим вновь приблизился к спящему, теперь боль оказалась терпимой.

«Вот что значит правильно настроиться», – решил подросток и стал посылать вновь появившиеся лучи из пальцев в голову больного соседа.

Он заставлял себя не думать о боли и сосредоточиться на болезни. Вскоре он увидел ее – черное набухшее пятно, пульсирующее при приближении струек света. Было видно, что, как и с Анютой, здесь не обойдется без борьбы и, значит, без еще большей боли. Макс уже не произносил заклинания – понял, что прежде они были нужны скорее всего ему самому. Теперь он мысленно видел, куда следовало направить свою исцеляющую силу. Он видел и то, как постепенно съеживается черная опухоль.

«Еще немного, еще чуть-чуть», – шептал Максим.

И вот он увидел и даже почувствовал, что зло сдалось. Не отступило, а именно сдалось, рассыпалось на мелкие комочки, которые распались на песчинки. В этот же миг утихла и собственная боль, хотя лучи на пальцах еще не померкли. Любуясь своей работой, юноша распылил лучами и несколько других темных пятнышек. Затем все закончилось, словно сработал выключатель. Макс, шатаясь, дошел до своей кровати, упал на нее и немедленно уснул. Он не заметил, а если бы и заметил, то уже не смог бы обратить внимания на то, что его пациент во время сеанса открыл глаза. И теперь, когда один юноша спал, второй, повернувшись на бок, долго рассматривал своего таинственного соседа. Но исцеленный мозг тоже требовал отдыха, и вскоре крепким сном спали уже оба подростка.

– Ну, братец, ты, наверное, инфекционный, – вновь разбудил его голос профессора. – Теперь и соседа заразил. Слышишь, какие рулады накручивает.

Максим проснулся и признал правоту Василия Ивановича. Действительно, невысокий хрупкий подросток храпел по-богатырски.

– Я пробовала их будить. Обоих. Потом решила – пускай поспят до обхода, – оправдывалась медсестра.

– Ничего-ничего, им обоим на пользу. Особенно малому. Он давно сладко не спал. И вряд ли это, к сожалению, надолго... Так что, пускай отоспится. А с вами, молодой человек, нам пора позаниматься серьезно. Так что сразу после обхода – милости прошу в мой кабинет.

– А со мной? – произнес переставший храпеть Хома.

– Ну, раз проснулся, давай посмотримся. Так... Смотрим сюда... А если сюда? Что за черт? – вдруг воскликнул эскулап, но тут же взял себя в руки. – Так... – протянул он, всмат-

риваясь в глаза больного. – Та-ак... А если попробовать руки вперед? Та-ак... А если ногу на ногу? Та-ак. Как самочувствие?

– Спасибо, как никогда, – и мальчишка вдруг широко улыбнулся.

– И голова не болит? – присматриваясь более внимательно, спросил Василий Иванович.

– Совсем.

– Ты мне признайся, куда свое косоглазие дел?

– И оно тоже?

– А ты не спрашивай, ты в зеркало погляди... Да-а. Тут осмотром не обойдешься. Ко мне в кабинет! Немедленно! А ты, – он обернулся ко второму подопечному, – ты, брат, извини, надо подождать. Здесь такие дела творятся. Боюсь сглазить, но...

– Еще чего, я сам пойду, – отбивался в это время Хома от санитарок, вознамерившихся отвезти его на каталке.

– Хорошо. Пусть пробует, – согласился врач. – Только, дружок, медленно, и если вдруг что...

– Не будет «вдруг», доктор, – уверенно заявил подросток. – Идемте, – и он в сопровождении белых халатов вышел.

Максим, оставшись один, попробовал разобраться в своих ощущениях. Не было никаких сомнений – в нем проснулась какая-то странная сила. И он может ею лечить. Но чем сильнее болезнь, тем больнее ему самому. Или чем больше надо отдавать сил, тем больнее? Но силы восстанавливались все быстрее. Вот и сейчас. Вчера чуть до койки довололся, а сегодня даже врач не заметил. Или заметил? Максим потянулся за зеркальцем и внимательно рассмотрел свое отражение. Конечно, похудел – вон скулы торчат. Конечно, побледнел, но в остальном...

– Красавец, красавец, – перебил его размышления голос сестры-болтушки. – Хотя ты не изменился, а то, подумала, что не двое суток, а два месяца отдыхала.

– Не изменился? – уточнил Макс, решив не обижаться на «красавца».

– Ну, по сравнению с некоторыми. Эта знакомая твоя уже ест сидя. Твой сосед по палате, как ракета, понесся. А думали: на всю жизнь инвалидом останется. Да и ты сколько пластом лежал! Отец здесь дневал и ночевал...

– Папа? – изумился он.

– Ну и что? Здесь многие так. И отец твой, когда из столицы вернулся.

– Из столицы?

– Да ты, мальчик, еще туго соображаешь. Героя-то только в столице вручают. Чем ты вообще здесь занимался? Ничего не знаешь. Или профессор тебя так оградил? Возьми газеты, которые ты просил. Я купила разные, там и пишут по-разному, но в главном – одинаково.

Продолжая тараторить, Светлана положила ему на тумбочку ворох газет, автоматически что-то поправила, что-то убрала, открыла форточку, раздвинула шторы и кинулась к выходу за завтраком.

– Ну, теперь ваша палата на самообслуживании. И есть можете ходить самостоятельно. Побегу. Там в другую палату новых тяжелых привезли. Потом забегу.

Максим опять остался один и, потихоньку облизывая ложку с ненавистной манной кашей, взялся за газеты. Когда, наконец, врачи отпустили его соседа, юноша уже прочитал репортажи о подвиге отца. Он не соврал профессору – в памяти отчетливо всплыла картина авиакатастрофы. И воспринимал он это довольно спокойно.

«Неужели из-за этого? – недоумевал он. – Ну если бы отцовский самолет рухнул, если бы уже в штопор ввалился. И то есть возможность катапультироваться. Вот когда надежды не осталось... Но такого не было. Судя по этим очеркам, батяня не штопорил. Даже не пикировал. Неужели я такой хлюпик? А если бы на его месте был я?» И ему вдруг стало стыдно.

– Может, уколы уже не потребуются, – перебил его грустные размышления вернувшийся Хома. – Врач сказал. А ты как думаешь? – он испытующе взглянул на соседа.

– Надо всегда надеяться на лучшее, – нейтрально ответил Максим.

– Ладно, – вздохнул выздоравливающий. – Слышь, а не пойти ли нам во двор, воздухом подышать?

– Пошли!

– Постой, – одернул его порыв Хома. – Тебе сначала к профессору. Он ждет. Тебя проводить?

– Еще чего? – возмутился Максим и вышел в длинный прохладный коридор.

Сегодня здесь было оживленнее. Передвигались с процедур и на процедуры разной степени транспортабельности больные, сновали медсестры, везли на каталках неподвижные тела.

Операционный день? Или срочные операции? Одну из каталок вывозили из реанимации, и Максим мельком увидел там действительно сидевшую Анюту, которая беседовала с отцом. Точнее, что-то оживленно рассказывал офицер, а девушка улыбалась.

В кабинете профессора юноша пробыл довольно долго. Василия Ивановича мучил окончательный диагноз. Он боялся ошибиться. И это на тридцатом году работы! А что прикажете делать? Выставляешь диагноз: «Безнадежна», а больная резко выздоравливает. Поправляешься, пишешь – полная обездвиженность, а больная тебе кукиши показывает. Ну, в переносном смысле слова. Уже надо из реанимации переводить, чтобы другие тяжелые ее не шокировали. У другого молодого человека на фоне травмы диагностируется опухоль мозга. Пора уже в онкологию переводить, а тут нате вам – не только опухоль рассосалась, но и врожденное косоглазие куда-то исчезло. Ладно бы только по томографии. Так ведь сам оперировал, сам! И все видел! И плакал от бессилия... А этого мальчика и не оперировал даже. Но тоже – столько времени без сознания. Думалось, вот-вот начнется... А он – пожалуйста. Сидит и довольно толково на все отвечает. И в себя пришел в один день с этими двумя. Или нет... До операции Пушкаревой. Значит, он первая ласточка в этих чудесах. Ему первому и двигаться. Значит – тяжелый шок? С сотрясением? Видимо, да.

– Вот что, Максимилиан, пора домой.

– Да? – искренне обрадовался пациент.

– Ну-ну, не сегодня. До конца следующей недели не отпущу. Пройдешь еще укрепляющие ванны, электрофорез, массаж. А там – и домой. Если, конечно, все будет хорошо.

– Будет, обязательно будет, Василий Иванович!

– Такой оптимизм – вещь хорошая. Ладно, иди. Родителю я сам позвоню.

– Ну что? – поинтересовался ожидающий его у двери Хома.

– Выпишут. Через недельку, – сообщил Макс, когда они по витой лестнице спускались во двор. – Странная лестница какая-то. Винтовая, как в замках.

– А это и был когда-то замок.

– Врешь!

– Еще чего. А ты не знал? Конечно, разве вас это интересует? – зло ответил Хома.

– Почему, меня очень интересует. Я люблю историю.

– Ты, наверное, да. – Мальчишка долгим взглядом впился в лицо своего нового знакомого, но тот, занятый переставлением ног по лестнице, не обратил на это внимания.

– Да ты еще слабый, – понял вдруг Хома, увидев, что Максим остановился, вцепившись в перила.

Он крепко взял своего соседа по палате под руку и вывел, наконец, на свет.

– Просто давно далеко не ходил, – сконфуженно улыбаясь, объяснил юноша свою слабость, когда они устроились на скамейке.

– Ладно тебе... – начал, было, Хома и тут же прикусил язык, чтобы не вырвалось: «Уж я то знаю».

Он понял, что по какой-то причине его спаситель желает держать все в тайне. А в голове сейчас было так ясно и на душе так легко, что он был готов исполнять любые желания таинственного соседа. Лишь бы не вернулась ужасающая боль.

Максим молчал, подставив солнечным лучам лицо. И, странное дело, казалось, что солнце быстро возвращает ему силы. Он упивался весенними лучами, как жаждущий упивается родниковой водой. Измученный опытами по целительству, юноша впал в состояние, похожее на купание в теплых ласковых волнах.

– Знаешь, вот идешь в школу, а кто-то свистит тебе. – сказал он через несколько минут. – Посмотришь – никого. А потом голову поднимешь – сидит вот такая штучка и поет.

Макс кивнул в сторону гигантского каштана. Хома тоже взглянул в ту сторону.

– Шпак, – констатировал он, продолжая хрустеть чипсами.

И, действительно, на ветке купался в солнце, распахивая навстречу ему крылья и распевая свою неповторимую песню, скворец.

– Да, птичка, – согласился Максим. – Иди сюда, птица, – погруженный в свои мысли, рассеянно позвал он.

Птица, она же «штучка», вдруг прервав свое выступление, спорхнула с ветки и приземлилась на плече у позвавшего.

– Ты видел? Наверное, ручная, – удивился юноша. – Дай ему чипсов, – обратился он к Хоме.

Тот в изумлении протянул пестренькой птичке хрустящий кусочек, но скворец, испуганный этим движением, взвился ввысь и скоро вновь устроился на прежнем месте.

– Видишь, даже птицы не едят этой гадости, – все так же, не открывая глаз, прокомментировал Макс.

– А еще раз можешь? – не обращая внимания на антирекламу, спросил Хома.

– Что? – не понял собеседник.

– Ну, это... приказать, чтобы прилетела.

– Не-е, это она сама, – ответил подросток, вновь погружаясь в негу.

Хома ехидно покачал головой, типа «знаем-знаем», но спорить не стал и замолчал, плясая по сторонам и хрустя так не понравившимся скворцу угощением.

Максим же в это время вбирал в себя солнечную энергию. Он чувствовал, что солнце быстрее всего восстанавливает его силы, что он здоров, что слабость вызвана только опытами по целительству и что для быстрого восстановления ему необходимы солнечные лучи. Очень легко думалось, и подросток вновь попробовал сделать выводы. Во-первых, этот неожиданный дар. В принципе, он может сейчас пойти к профессору и продемонстрировать это на новых или старых безнадежных больных. Он представил себе эту картинку. Изумление, слава... Слава? Запрут и будут исследовать. А потом толпы больных начнут приставать. Он вспомнил, как объявился в городе некий «святой», и его сразу же окружила толпа больных и калек.

«Им то всем хорошо исцелять, – с досадой подумал юноша. – А тут одного вылечить – такая боль. Потом все равно скажут, что самозванец. Или запрут особо прибалтанных исцелять. Нет. Не хочу! Буду молчать. А там – посмотрим», – принял он окончательное решение.

Подросток открыл глаза и осмотрелся, наконец, вокруг. Действительно, больница была помещена в бывшем дворце, или поместье, или замке. Пышное, но запущенное здание летом наверняка утопало в зелени каштанов. Но сейчас на вековых деревьях только-только проклюнулись листочки. Старое здание, как и Максим, сейчас лениво грелось в лучах весеннего солнца.

Юноша вдруг отчетливо понял, что выздоровел. Ему хотелось общаться с друзьями, читать интересные книги, болтаться по вечерам по городку, тайком пробираться на аэродром и... пойти на уроки! Последнее желание было настолько удивительным, что он даже потряс

головой. Может, он все-таки болен? Нет, его нестерпимо потянуло на занятия. Какое-то сладостное предчувствие новых чудес манило его, и юноша решительно поднялся со скамейки.

– Пора! – сообщил он сам себе, но был неправильно понят Хомой.

– Если боишься простудиться, то иди. Я еще посижу. Внутри такая вонища...

– Из-за нас и вонища. Что я, что ты – сколько под себя гадили?

– А пусть бы сразу же убрали. За это им и платят, – свернул второй подросток ответственность за запахи на других. – Тебя проводить? – вдруг проявил он заботу.

– Да нет. Я сам.

Максим на одном дыхании поднялся по крутой лестнице на третий этаж, прошел по коридору и остановился у стола дежурной.

– Светланочка, а когда меня выпишут? – спросил он у болтающей по телефону медсестры.

Медсестра, возмущенная таким обращением, вскочила и резко обернулась. Но, увидев улыбающегося пациента, почему-то перекрестилась и тяжело осела на стул.

– Чудеса, – прошептала она.

– Что? Что? – попытался уточнить заинтригованный подросток.

– На себя посмотри, что, – посоветовала медсестра. – Час назад я тебя отпустила во двор. Белый как смерть (тьфу, тьфу, тьфу) был. А теперь? Кровь с молоком.

– Загар, весеннее солнце, – даже не заглядывая в зеркало, оправдывался Максим.

По собственному самочувствию он понял – девушка не врет.

– И ты туда же. Чудеса продолжаются, – констатировала она. – Когда выпишут? Пока полностью не исследуют ваши случаи – не выпишут.

– А сколько это – полностью? – озадаченно попытался уточнить юноша.

– Это у профессора спроси... Сейчас даже смену сдавать не хочется, – продолжила она. – И Маринка молчит. Что ни спрошу о той ночи, «не помню» говорит. А ведь она-то все помнит, язва эта.

Максим сел рядом на убогий стул и удивленно уставился на медсестру.

– Ну, чего зенки вылупил? Тоже влюбился? А я говорю – язва! – почему-то озлилась медсестра. – Послушай, парнишка, я знаю, что говорю. И если она молчит, значит...

«Я ее просил молчать, – вспомнил подросток. – И она молчит. Очень мило. Может, еще и гипноз? Или что?» Он вспомнил сегодняшнего странного скворца и решил проверить.

– Пора спать, – скомандовал он болтушке. Та вдруг прервала свою изобличительную речь, зевнула и стала расстегивать халат.

«Может, прикалывается?» – подумал Максим, когда толстушка расстегнула последнюю пуговицу. Но девушка аккуратно повесила халат на стул и стала стягивать свитер.

– Черт знает, что, – прокомментировал произошедшее Максим и, прикоснувшись к спящей, произнес: – Подъем! Быстро одеться!

Девушка стремительно вскочила и в пределах своей сноровки быстро накинула халатик.

– Проснуться!

Медсестра через мгновение уже щебетала с кем-то по телефону. Судя по голосу, она ничего не помнила.

– Черт! Вот черт побери! – полувосхищенно, полуозадаченно пробормотал Макс. – Значит, могу? И профессора можно вот так попросить? И еще много чего, – мелькнула у него мысль. – Как Мессинг? Тоже неплохо.

Его рассуждения были прерваны появившимся Хомой. Тот вновь был хмур и неразговорчив. Впрочем, и Максиму было не до разговоров. Он открыл толстый том Дюма и погрузился в роман, разбавленный его же грезами. И только перед вечерним обходом он, узнав, что будет профессор, сказал Хоме, что, видимо, его очень скоро выпишут.

Глава 4

Вечером, заглянув в ярко-голубые глаза добрейшего Василия Ивановича, Максим попросил:

– Выпишите меня, пожалуйста, завтра.

– Но мы же с вами, юноша, договорились... – начал профессор.

– Но доктор... Я уже почти здоров. Мне нечего здесь делать... Мне пора домой. Мне надо в школу, – просительно, но твердо ввинчивал он в глаза врачу свои желания.

– Нет, каков наглец! – прокомментировал мнение больного профессор, обращаясь одновременно и к молодым людям в халатах, и к Хоме. А впрочем...

– Надо, профессор, надо, – подыскивая убедительные слова, продолжил Максим. – Вы завтра утром поймете, что надо.

– Вы наглец, молодой человек. Вот с каким контингентом приходится работать, – вновь обратился он к сопровождающим его. – Только-только очухаются, а уже командуют. Впрочем, динамика выздоровления очень впечатляющая. Да я вам потом в кабинете расскажу и об этом случае. А это – наш Хома, наша гордость, наш уникам. Я его сейчас бегло осмотрю... Как вам известно, более тщательные у нас утренние обходы. А этот – больше ради вас. Прессу мы все уважаем.

«Журналисты, – похолодел Максим. – Надо же было мне перед прессой... А если бы профессор... Или я бы не те слова нашел. Гоняйся потом за каждым, чтобы забыли. Но все-таки надо быть осторожным. А я и был».

Довольный собой, подросток с улыбкой наблюдал, как доктор тормошит Хому, одновременно осмотрительно давая комментарии для прессы.

– Теперь ты звезда, – сказал он к Хоме, когда все ушли. – Будет о тебе в газетах. Больше, конечно, о профессоре, но и о тебе тоже.

– А о тебе?

– Мой случай не уникальный. Даже не вспомнят, – пожал плечами Максим.

– А тебя завтра выпишут?

– Хотелось бы.

– Значит, выпишут. Профессор, он, наверное, тебе как тот шпак, – проворчал Хома, гася свет и отворачиваясь к стене.

«Что-то понял», – решил Максим, сладко зевая.

Но предчувствия новых встреч, новых возможностей и новой жизни были столь сладки, что он отогнал мысль о Хоме.

«Ну его», – решил юноша, засыпая.

Сейчас ему грезились таинственные подвиги и всяческие романтические способы применения своих новых дарований. Очень некстати оказался под рукой «Монте-Кристо». А может, и вовремя? Черт его знает, что натворил бы подросток и какие скандалы разразились бы, если бы вместо этой книги кто-нибудь подсунул ему «Эммануэль».

– Ну что же, пора. Думаю, залеживаться тебе не следует. Динамика исключительно положительная. Пора, – профессор тяжело вздохнул. – Пора, – повторил он. – Отцу я позвонил, так что прощайся.

– До свидания, профессор, спасибо вам, – начал Максим.

– Да нет, – рассмеялся Василий Иванович. – Не со мной. С новыми знакомыми, с друзьями, так сказать, по несчастью, с обслуживающим персоналом. А мы с тобой попрощаемся попозже. Когда тебя забирать приедут. А вас, молодой человек, попрошу в кабинет, – кивнул Хоме профессор и, ссутулившись, вышел из палаты.

– Чего это он? – спросил Макс у Светланы, когда из палаты вышел и Хома.

– А, все эта пресса. Вчера приходили, видел? Он перед ними бисер метал, а они... Там, в четвертой палате, – очень тяжелый. Тоже профессор оперировал. Половину мозгов удалять пришлось. Так он – родственничек одного из этих журналистов. Ну вот, тот и говорит в конце интервью: «По какой таксе вы эти чудеса устраиваете? За Богдановича вам что, недоплатили? При одинаковых травмах одна уже на ногах, а он – в сознание не приходит»? Ну что тут ответишь?

– Ну, что время не пришло.

– Нет, наш Василий Иванович врать не будет, – с гордостью отвергла эти предложения Светлана, заканчивая утреннюю уборку. – А ты вот выписываешься.

– Ну...

– Счастливо тебе, – привычно пожелала медсестра и выскочила передавать смену.

«Не знает и ничего не помнит», – понял подросток. Это радовало, но и вызывало грусть. Он тут такое сделал... и никто не ценит. Не знают. Думают, профессор. Сердце на мгновение обожгла ревность, но сейчас же уступила место здравому смыслу. Никто ничего не знает. Сам хотел этого. Профессор... хороший добрый старик. И такие операции! А сейчас – на тебе. Не верят. Он вспомнил согбенную спину профессора, вспомнил, каким счастливым майским жуком он влетал, когда дела больных шли на поправку.

«Отблагодарить? – пришла вдруг мысль. – А почему бы и нет? Силенок хватает. Напоследок? Один разочек, – уговаривал он себя, ежась от воспоминаний о боли. – Потом на солнышко... Ну, действуй».

Макс быстро прошмыгнул в соседнюю палату. Она ничем не отличалась от его палаты номер три, разве что два тяжелых неподвижных тела с забинтованными головами издавали пренеприятнейшие запахи. Видимо, после ночи до них у медсестер все еще не дошли руки. Но думать о причинах и последствиях было некогда. Максим протянул ладони сразу над обоими. («Дуплетом», – пронеслась и сразу исчезла шальная мысль.) Теперь он больше знал, что и как следует делать. Мысленно проник в мозг каждого и увидел похожие на предыдущие повреждения: черную опухоль – у одного и знакомую черную пропасть – у другого. «Вырезали у этого, – понял он про несчастного с пропастью. – Это он – родственничек журналиста. Но второй... Он же не виноват, что не имеет влиятельных родственников. Ладно, обоих. Времени, конечно, для полного излечения мало. Ну, хоть полпути к выздоровлению осилим. Могу же помочь! Должен, если могу!» И появились уже знакомые лучи, и пришла уже знакомая боль...

Возвращавшийся с осмотра Хома подхватил стоящего в коридоре Максима и затащил в палату.

– Что с тобой? Опять? Где? – задавал он вопросы, тормоша соседа. – Ты это... Не отрубайся. Чего тебе?

– Солнца. Во двор...

– Я помогу. Ты только не отрубайся, – повторил Хома, поднимая Макса с кровати.

Последние два пролета лестницы он практически нес Максима на руках.

– Ну вот, – тяжело дыша, сказал Хома и усадил на скамейку паренька.

– Спасибо, – прошептал Макс, подаваясь вперед и вверх, к лучам солнца.

– Спасибо, – язвительно проворчал Хома. – Нашел время! Скоро батька приедет. А ты что вытворяешь?

– Пока приедет, я оклемаюсь. Мне главное – солнышко. И – покой, – ответил Макс, не вдаваясь в подробности.

– Ладно, отдыхай, я отойду, – обиженно ответил подросток и резко рванул внутрь здания.

Макс не отреагировал. Он был измучен и опустошен.

«И как они делают это с толпами? – подумал он о великих целителях. – Может, какое обезболивающее принимают?»

Он вдруг улыбнулся этой мысли, а затем оцепенел, впитывая в себя солнечные лучи. «Вот что чувствует аккумулятор при подзарядке».

Хома в это время сидел в палате, ожидая развития событий. Но было тихо. Не выдержав, он пошел в соседнюю палату. Таинственный сосед выходил отсюда, выходил никакой, как тогда, когда лечил его. Значит, вот-вот начнется. Он еще брезгливо смотрел на этих «живых трупов», когда один из них зашевелился, попробовал приподняться, затем гнусным голосом заныл: «Сестра, утку!» После повторения этого призыва в палату вбежала медсестра – та самая красавица, с которой о чем-то шептался его сосед. Она машинально подложила под больного заказанную посудину, затем всплеснула руками и выскочила вон.

«Звать профессора», – понял Хома.

– Где я? – спросил вдруг второй больной.

«Ну, началось», – понял Хома и, ответив вопрошающему, что тот на поле чудес, решил ретироваться. В коридоре он столкнулся с офицером и его дочкой. И хотя подросток, как и все местные, недолюбливал «белую кость», мужик был такой счастливый, а идущая под руку девчонка так радовалась, что юноша широко улыбнулся им в ответ и кинулся во двор.

– Там началось, – сказал он и осекся.

Недавно расслабленный, обессиленный Макс теперь излучал здоровье и угощал невесть откуда взятыми червями чету скворцов. При появлении незнакомца птицы вспорхнули с руки кормильца и, устроившись на самой нижней ветке ближайшего каштана, стали ожидать продолжения трапезы.

– Круто! – прокомментировал увиденное Хома. – А черви откуда? Тоже позвал к себе? Как птичку?

– Да нет! После дождя выползли сами.

Представив себе картинку, как он зовет червей, а они ползут на угощение скворцам, подросток весело рассмеялся.

Хома тоже рассмеялся.

– Там это... Началось... В соседней палате начали выздоравливать.

– Уже? – вырвалось у Максима.

– Да, а что? Пойдем, посмотрим, как профессор метаться будет.

– А, – сосед равнодушно махнул рукой. – Неинтересно. Только мешать будем.

– Я тебе помогу.

– Мне? Спасибо, не надо. Уже очухался. Это так, временная слабость была. – И, глядя на сомневающуюся физиономию Хома, предложил: – Хочешь на ручках?

Через несколько минут, после того как Максим трижды одолел противника, Хома наконец решился.

– Вот, возьми, – сказал он, снимая с шеи и протягивая своему спасителю довольно массивный золотой крест.

– Ты что, зачем? – отверг Макс подарок.

– Послушай. Я редко прошу. Тем более – у ваших. А сейчас, видишь, прошу. Возьми. И носи на память. Можешь потом не носить, но хоть сейчас. Хоть немного. Нагнись.

Максим покорился каким-то жалобным нотам в этой просьбе и наклонился. Теплый крестик пощекотал грудь и мирно повис среди прорезающейся поросли. Подаривший его юноша пристально, чего-то ожидая, смотрел на крест, затем на товарища, затем – опять на крест.

– Значит, чистый, – облегченно вздохнул он.

– Ты о чем?

– Да так. Носи. Он твой.

– Но мне нечего подарить тебе в ответ.

– Ты мне уже подарил, – ответил Хома, обнял Макса и тотчас, устыдившись своей «не мужской» слабости, кинулся назад в больницу.

«Знает, – подумал Макс, оставшись один. – Придется и ему в глаза заглянуть».

Хотя проявленная благодарность и тронула, он испугался, что Хома все-таки разболтает о том, что узнал. Не по-детски озабоченно вздохнув, он докормил вновь примостившихся на руке скворцов. Посоветовал им пастись дальше самостоятельно и пошел укладываться.

Выписка прошла без особых эмоций. Профессор, растерянный из-за новых удач в лечении, рекомендовал душевное спокойствие и покой вообще, сообщил, что в школу все-таки следует пойти, но если учеба будет тяжело даваться, он сможет освободить Макса от посещения занятий, мол все равно выведут по среднему. Выписав каких-то порошков и пилюль, он приказал быть под наблюдением своего участкового врача, рассеянно выслушал благодарность Белого-старшего, после чего распрощался с обоими Белыми. Больше их в больнице ничего не удерживало. Болтушку Светлану сменила строгая Марина, она холодно приняла от отца Максима коробку конфет. Самому же подростку многозначительно шепнула, что «должничка» все равно найдет. Хома куда-то исчез, с остальными Макс познакомиться не успел. Уже ничто не удерживало решительно. И только при переодевании в свою одежду возникла некоторая проблема. Джинсы, рубашка, джемпер мало того, что свободно болтались, они были заметно коротки – руки и ноги выглядывали на добрую треть.

– Ну, ты, сынок, и дал! Вот это вытянулся, – с удивлением объяснил эту странность отец. И, действительно, стоя рядом с отцом, Максим с радостью осознал – вырос. – Если сейчас одеть комбез и – на аэродром, то ни у кого и вопросов не будет.

– А он у тебя длинный, – констатировал подошедший к машине Пушкарев.

Теперь, когда Белый-старший стал героем и ему, по мнению многих, светила генеральская должность в столице, начальствующий состав начал принимать вчерашнего рядового летчика за равного. Вот и сегодня, узнав о том, что Белому надо ехать забирать сына, Пушкарев вновь предложил ехать вместе на его машине – ему все равно надо было проведать семью.

Максим односложно поздоровался и устроился на заднем сидении. Мужчины сели спреди.

– Как Анюта? – поинтересовался Белый-отец.

– Спасибо. С каждым днем лучше. В школу, конечно, в отличие от твоего, не успеет. Ну, за лето, думаю, наверстает.

– А Надюша?

– Тоже поправляется. Ей главное лекарство – Анютино хорошее самочувствие. Хотя, сам понимаешь, инсульт – не шутка.

– Да... – вздохнул пассажир.

Они помолчали, а затем перешли к разговорам на служебные темы.

– Кстати, – обратился вдруг Пушкарев к юноше. – Ты не скажешь, кто с тобой в палате лежал?

– Парень один. Хома зовут.

– Хома? М-да... Странно. А фамилия? Он кто такой вообще и откуда?

– Не знаю. Он мало разговаривал. У него долго голова болела.

– А почему он тебя заинтересовал? – полюбопытствовал его отец.

– Да меня кроме моих сейчас ничего особенно не интересует. Сам понимаешь. Анюта почему-то заинтересовалась. Узнай да узнай, кто здесь из мальчишек лежит. Я ей говорю, брось глупости, какие еще мальчишки, а она за свое. Про твоего рассказал, а она: «Кто еще?» Вот и узнаю. Да ладно, спрошу у врача.

Такое «неблагодарное» поведение девушки больно укололо Макса. Он помнил, что смалодушничал и не приказал Анюте забыть про его целительные посещения. И вот вам пожалуйста: чуть в себя пришла – и других пацанов ей подавай.

Потом он вспомнил, что за этой кутерьмой не успел заглянуть в глаза Хоме, но мысленно махнул на все рукой и уставился в окно.

В действительности все было не так. Пушкарева не была неблагодарной. По крайней мере – не в этом случае. Она запомнила оба посещения какого-то юноши. Она не догадывалась – просто знала, что обязана жизнью далеко не профессору, а исцелением – не профессору вообще. Но помнила только невысокий силуэт, мягкий голос и яркие лучи, проникающие в самые глубины души (мозга – не так романтично). И она, едва начав говорить, стала раз узнавать у отца, кто из мальчиков здесь лечится.

– Видел сына Белого. Когда к тебе шел, ну, когда ты выздоравливать начала, столкнулся.

– И что? – напряглась Анюта.

– Ничего, – пожал плечами отец. – Его как раз медсестра из туалета вытаскивала.

– Вытаскивала? – разочарованно переспросила девушка.

– Ну, вела. Слабый он совсем.

– А еще? – потеряла к Максиму всякий интерес Анюта.

– Не знаю. Да и зачем тебе? Уж здесь-то без них можно обойтись? И так вон, довели.

– Не надо, папочка. Я ничего не буду. Честное-пречестное. Ты только узнай.

Вот поэтому теперь Пушкарев мимоходом и навел справки о Хоме. Не зная всего этого, Максим обиженно молчал, рассматривая здания и узенькие улочки древнего города.

– А правда, что на месте больницы раньше был замок? – спросил он, вспомнив разговор с Хомой и винтовые лестницы.

– Очень может быть. По архитектуре похож. Только не замок, а дворец, – ответил отец. – Вот у нас, на родине, замок Радзивиллов вообще под санаторий отвели. Очень интересно.

– В Питере на Каменном острове тоже чей-то дворец под наш санаторий заняли, весьма оригинально, – дополнил Пушкарев, и разговор перешел на достопримечательности Северной Пальмиры.

– Давай прорвемся в этом году? – обернулся к Максиму отец.

– Я вроде на море собирался.

– Ну, каникулы у тебя длинные, можешь туда и туда.

– Счастливая пора, – прокомментировал Пушкарев. – Только сами дети не ценят. Мне тоже придется отправить своих в санаторий, – заметил он вздохнув.

Они наконец вырвались с узеньких улиц, миновали дымные предместья и помчались по усаженной фруктовыми деревьями дороге. Весна решительно брала свое. На горизонте зеленели горы, уже полностью освободившиеся от снега. Украшались нежными листочками ветви деревьев. На солнце вовсю отливала изумрудом первая травка на полях. Рассеянно глядя на мелькающую зелень, Максим думал о произошедшем. «Если это не чудесный сон и не бред, то что же? И что его ждет впереди? И как пользоваться этим даром? Дарами, – поправился он, вспомнив и гипнотические опыты. – Будет день, будет и пища», – решил он, а когда сквозь стекло пробились солнечные лучи, подставил им лицо и блаженно задремал. Больничная эпопея закончилась.

Глава 5

– Следовательно, преобразуем это вот так, затем... Ты куда смотришь? – спросила Татьяна, уподобляясь строгой учительнице.

– Весна. Сирень цветет, – беззаботно ответил Макс...

– Тебе надо алгебру...

– Да сто лет мне не нужна алгебра эта!

– Так мне уйти?

– Но я же про алгебру, а не про тебя.

– Макс, будь посерьезнее. Ты не передумал насчет летного?

– Нет, конечно.

– А там математику сдавать придется.

– Да знаю я. Но мне это неинтересно. Понимаешь, – решил он приоткрыться. – Я знаю алгебру. Прочитал этот учебник, потом тот, что ты мне давала, и все понял.

– Прочитал и понял? Молодец, – иронично похвалила девушка. – Но решать же все равно надо.

– Я и решаю. В уме.

– Это как?

– Ну, не знаю. Приходит ответ и все.

– Не дурачься. Скажи, что не хочешь заниматься...

– А если это правда, пойдем гулять на дамбу? Там сейчас так соловьи поют...

– Ты мне зубы соловьями не заговаривай. На дамбу... Ну ладно... Вот эта задача. Решай.

– Нет, ты скажи, пойдем?

Татьяна отложила сборник задач и внимательно, как-то по-новому, оценивающе взглянула на юношу.

Для понимания сути разговора следует знать, что в военном городке, где царили строгие нравы, даже простая прогулка детей порой вызывала разговоры. Поэтому и гуляли в основном компаниями. А прогулка за пределы городка – на высокую дамбу горной реки с густо заросшей кустами поймой – означала новое развитие отношений. Хотя, к чести таких гуляющих следует сказать, что в их возрасте и прогулки на речку были именно прогулками без каких бы то ни было вольностей. Ну, почти без никаких. Поэтому и рассматривала сейчас Татьяна своего подопечного, позволившего предложить такое пари. Вообще-то он стал ничего. Сейчас, когда похудел и вытянулся... Одна девчонка из их класса еще раньше признавалась в их кругу, что Максвелл ей интересен. А что будет теперь... Пожалуй, такое пари можно и заключить. Как весьма вероятное согласие при очень нереальных условиях.

Максим тем временем тоже рассматривал Татьяну. Она подросла за зиму, стала болеестройной и гибкой, чем-то напоминала тянущуюся к солнечному свету березку. Татарская кровь отца давала о себе знать чуть раскосыми глазами и узким носом, но это только придавало ей красоты. Максу вдруг захотелось погладить ее волнистые волосы. Не осмелившись на такой поступок, он мысленно погладил Рыжика – их домашнего жирнющего хомяка, сейчас почивающего на коленях у Татьяны. Соскучившийся по ласке зверек умильно закатил свои глаза-бусинки. Затем озабоченно осмотрелся. Максим успел еще на расстоянии почувствовать пушистость его шерстки, когда испуганный невидимыми руками Рыжик съехал с коленей девушки и колобком покатился в свой спасительный домик.

– Хорошо, – решила Татьяна, провожая недоуменным взглядом удаляющийся меховой шарик. – Вот три задачи. Выбирай. Решешь в уме хотя бы одну – идем.

– Почему одну? – ухмыльнулся Максим. – Давай. Записывай.

Слегка нахмутив лоб, он с минуту смотрел на задачи, затем предложил девушке взять ручку и надиктовал все три ответа.

– Какой-то фокус, – заявила Татьяна, сверив результаты. – Признавайся, ты просто выучил ответы на задачи?

Она замолчала, сама поняв дикость предположения. В конце концов, зазубрить формулы ответов было, наверное, сложнее, чем понять логику решения этих задач.

– Да нет, я же сказал, в уме решаю.

– Ах в уме... Ну хорошо. Вот задача из другого учебника. Уже за десятый класс. Тоже решишь?

Все повторилось. Максим посмотрел на задачу и продиктовал ответ.

– Вперед? – поинтересовался он, отпихивая учебники на край стола.

– Никуда не пойду, пока не признаешься, в чем тут фишка.

– Но так нечестно, – обиделся юноша. – Ты обещала...

– Что обещала? Это ты обещал, что решишь задачи. Решишь! А сам только надиктовал ответы.

– Но если я сказал ответы, значит, я решил?

В этом была своя логика, и Татьяна, собираясь с мыслями, обвела взглядом комнату, в которой они занимались. Особого внимания почти ничего не привлекало. ДОСы, они и в Африке ДОСы. Добротный кирпичный теплый дом. Высокие потолки. Недорогая, неброская мебель. Разве что модели, модели и модели указывали на то, что здесь живет фанатик авиации. А модели «Востока» и «Мира», стоящие на самом видном месте – письменном столе, – свидетельствовали, что не только авиации. В свое время Макс провел даже школьный вечер, посвященный космонавтике. Было интересно, но не для всех. Кроме того, книги. Много книг. Интересно, что он читает? Когда-то, очень-очень давно (три года назад!) он выпросил у нее какую-то фантастику. Что там было? Не вспомнив, она, наконец, нашла, что возразить.

– В конце концов, не заявишь же ты нашей математичке, что ты вот так решаешь.

– Заявлю.

– Ну-ну, похихмишь. Но в контрольных требуется решение. Поэтому, будь добр.

– Ладно, попробую, – сдался юноша. – Но, знаешь, в мозгу это так быстро мелькает.

– А ты притормаживай.

– Ладно, записывай, – Максим начал диктовать.

– Интересно. Очень интересно. Я решала по-другому. И предлагают по-другому. Но, конечно, так лучше. А еще надиктуешь?

– Таня, я тебе надиктую целый учебник, но потом. А пока, может, пойдем? – жалобно попросил Максим.

– Ловлю на слове. Ну что же, проиграла, пойдем, – притворно вздохнула девушка.

До дамбы было совсем недалеко, по старому полуржавому железнодорожному пути, мимо гигантских емкостей нефтебазы, какого-то охраняемого злой шавкой склада. Когда-то дамба была выложена бетонными плитами, в стыках которых высадили кустики. Сейчас они бурно разрослись и стали приютом для многочисленных соловьев. Эти птицы устраивали веселыми ночами неслыханные и неповторимые концерты. И если в вашем сердце пробуждалась, цвела или хотя бы тлела любовь, они наполнят ее новой силой... Макс был уверен в цветении этого чувства.

– Как они поют, – прошептала Татьяна, – особенно те, которые на речке!

И, действительно, в густых непроходимых кустах поймы соловьи прямо-таки захлебывались.

– Пойдем туда? – несмело предложил Максим.

– Ты что? Там вон какая темень.

– Да ты не бойся.

Он решился и приобнял ее, положив руку на плечо девушки.

– Да я и не боюсь, но влезем в грязюку.

Девушка не сбросила руку, лишь как-то неловко потерлась щекой о шевровый рукав летней куртки Белого-старшего. И этот жест, это принятие его ухаживания привело юношу в тот самый щенячий восторг, характерный для всех влюбленных при первом проявлении взаимности.

– Они сейчас сами сюда прилетят и тебе петь будут!

– Не надо хохмить. Красиво как, правда?

Кавалер уже не слушал. Вспомнив больничных скворцов, он мысленно предложил певцам корм. Отсутствие реакции развеселило его. Ну, конечно, ему бы сейчас предложили, к примеру, шашлык. Бросил бы он ради этого Татьяну? И он предложил им другое – красавицу-соловуху. Он стал внушать невидимым певцам, что вот она – их самая желанная – идет по дамбе, и все они хотят завоевать ее расположение.

– Сейчас они прилетят и будут петь для тебя, – шепотом сообщил Максим девушке.

И, действительно, через несколько мгновений чуть ли не из-под ног, в уходящих вниз кустах зашелкал первый ухажер, затем второй, пятый, десятый...

– Что это? – прошептала изумленная девушка.

А серая певучая братия все прибывала и продолжала свой удивительный конкурс.

– Они поют для тебя. Поют, как будто... любят тебя! – восторженно заметил Максим.

Но этими словами он разрушил ту хрупкую идилию, которая сложилась из весны, лунного света и соловьиных трелей.

– Перестань. Они поют для своих подружек, – громко сказала Татьяна.

Хор певцов испуганно притих, но вскоре соловьи снова затенькали на все лады.

– Нет, я не то хотел сказать, – оправдывался подросток. – Они поют о любви – это точно, и поют сейчас для тебя.

– Ладно, пошли, поздно уже, – повелела девушка, по-кошачьи мягко выскользывая из-под его руки.

– Ладно, – разочарованно вздохнул Максим. – Ну, кыш, по домам, – уныло вслух командовал он, и шум десятков крылышек дал понять, что концерт окончен. Вскоре те же песни стали раздаваться вдалеке.

– Кыш! – рассмеялась девушка. – Как кур каких разогнал.

– Да это я так, вспугнул немного, – спохватился Макс. – Знаешь, – перевел он разговор на другую тему. – Однажды мы с отцом очень поздно возвращались с рыбалки. И за нами бросилась псина с нефтебазы. Ну, не то чтобы псина, но я малый был, очень испугался. И сиганул через вон тот ров. И перепрыгнул. Представляешь?

– Фантазер. Тут метров восемь.

– Ну и что?

– Что, что? Я не дитя малое. Знаю, на сколько прыгают. Восемь метров – это международный класс. А ты – в детстве? Почему же ты здесь, а не на олимпиаде?

– Бимон раз в жизни прыгнул на восемь девяносто.

– Ну, за восемь прыгают не раз в жизни.

– Так то спортсмены, а я ребенок был.

– Врунишка ты, врунишка. Знаешь, Максимка, я тебя с первого класса помню. Ты все время до этой болезни... Нет, до этого класса пончиком был. Ну куда тебе было так прыгать?

– Но зачем мне врать?

– Если хочешь со мной дружить, перестань врать. Расскажи лучше что-нибудь интересное. Отец тебе ничего поподробнее про аварию не рассказывал?

– Он не любит об этом говорить. Мрачный становится. Говорит, что люди погибли, это не комедия, которую на бис пересказывать можно.

- Он прав. Он вообще у тебя молодец. Нравится он мне.
- А я? – простодушно поинтересовался юноша.
- Если завираться не будешь. А так, конечно, – лукаво покосилась на него девушка. Это вновь наполнило его восторгом и желанием сделать что-то необыкновенное.
- Ты видела, как ведут себя ночью майские жуки? – спросил он вдруг, когда они проходили мимо огромного фонаря, освещавшего ворота нефтебазы.
- Ну как... Летят, бьются о фонарь и падают. Мой отец их тоже на рыбалку собирает.
- А их танцы не видела?
- Что? – Татьяна удивленно посмотрела на Максима. – Танцы майских жуков?
- Ну да, – он взглянул на часы. – Сейчас как раз без десяти одиннадцать.
- Домой пора, – вздохнув, прокомментировала Татьяна.
- Ты послушай. Ровно без пяти одиннадцать вот здесь они устраивают воздушные танцы.

Посмотрим?

– Ну, ты или фантазер, или врунишка, или... Ну ладно, пять минут уже не спасут. Проверим.

– Только надо тихо, – попросил Максим.

Он попробовал перевести свое настроение в музыку – и она зазвучала. Он вспомнил вальс цветов из «Щелкунчика», вспомнил танец цветов из этого мультика и поднял его вверх, к фонарю, делясь своей радостью с кружащей вокруг фонаря живностью. И это началось. Неповоротливые майские жуки образовали круг, который, пульсируя, то расширялся, то сужался. Затем он превращался в цветок, в звезду, в шар... А когда в воздушный вальс вступили и ночные бабочки, танец превратился в феерию. Но командовать примитивными существами было ужасно трудно – юноша ощущал недоумение каждого жука, выделяющего па вокруг фонаря. «Да, все здорово, все прекрасно, но вот это-то зачем?» – словно спрашивали они, выстраивая сложные фигуры. Наконец, обещанные пять минут прошли и Макс, облегченно вздохнув, отпустил участников кордебалета с миром.

– Ну как? – спросил он у своей попутчицы. – Кто врёт?

– Что это было? – спросила ошарашенная девушка.

– Ну я же тебе сказал.

– Нет, что это было? Это они всегда так? Надо будет заснять, – шептала Татьяна, приходя в себя. – Круто... Никогда бы не подумала! Ты часто видишь такое?

– Где там часто? – начал врать Максим. Он представил толпу знакомых с видео, снимающих ночью фонарь, и хмыкнул. – Это уж как повезет.

– Но ты сказал, в определенное время...

– Но не каждый же день! Только иногда. Очень редко. Нам просто повезло, – придумывал он оправдание на случай, если девушка действительно придет без него любоваться на хороводы майских жуков.

– Ты знаешь, с тобой очень интересно. Спасибо. До завтра. Ты же завтра на занятия идешь?

– Ну да, уже пора.

– Все-все. Вон там мои предки мелькают. Ищут. Разбежались до завтра, – метнулась к своему дому девушка.

Ухажер тоже пошел домой. Бояться Татьянинных родителей было нечего – он ничего плохого не сделал. Но мама блюла дочку – примерную во всех отношениях девочку. Поэтому прогулка с ней после «комендантского часа» (после десяти часов вечера!), да еще за пределами городка – могла обернуться неприятностями. А может, и нет. Но проверять реакцию взрослых ему не хотелось, тем более, что в душе кто-то тепло и нежно играл на скрипке. Заснул Максим счастливым. Даже идиотские выходки с соловьями и насекомыми не показались ему чрезмер-

ными. Он всего лишь проверил некоторые свои способности и был доволен. Но все же надо быть осторожным!

«Осторожным! Устроил цирк, а потом навешал Таньке лапши на уши», – улыбаясь, возразил себе влюбленный юноша.

Глава 6

– Когда помашемся? – поинтересовался первым делом Кот.

Ссора была давняя и пустяковая. Возможно, Максим в своем сарказме был тогда и неправ. Но извиняться? Думалось – забудется. Не забылось.

– Послушай, – примирительным тоном начал Максим.

– Головка ослабла? Это мы слышали. А как насчет всего остального? Если что – ты не скрывай, мы тебе памперсов живо прикупим.

Таким злым Макс не видел Котова давно. Что-то произошло. Какая-то новая злость, прямо ненависть какая-то.

– Ну хорошо, когда скажешь...

– На большой перемене.

– После уроков.

– А чего откладывать? Не успеешь за памперсами? Ну, так мы зашлем кого-нибудь.

– Судя по карканью, махать будем серьезно. Или хочешь, чтобы препода нас растягивали?

– Думаю, я за перемену отправлю тебя отдыхать дальше. Ну, да ладно. Ждал долго, подожду еще.

– Ждал. Чего же ты ждал? Надо было в больницу и зарулить. К лежащему. Ишь, осмелел сейчас. Ничего, кот помойный, получишь.

Они схватились за грудки, и, если бы не звонок, разборка началась бы немедленно. Но оба петуха вернулись за свои парты, время от времени переглядывались, пытаясь уничтожить противника взглядом.

– Здравствуйте, садитесь, – сдержанно поприветствовала вставших подростков учительница математики Ирина Сергеевна, по прозвищу Стервоза.

Ее не любили ученики, и она платила тем же. Еще довольно молодая и очень симпатичная даже по меркам пятнадцатилетних максималистов, она казалась им черствым представителем преподавательского племени. Из тех, кого никогда не называли учителями и тем более педагогами. Такие преподаватели сразу зачисляются в противники, и с ними с попеременным успехом ведется невидимая битва. Ни интереса, ни уважения, ни тем более любви к своему предмету они привить не могут, да и не стремятся к этому. Они чувствуют, как к ним относятся ученики, и рано или поздно отвечают им взаимностью – если не ненавистью, то упорной неприязнью. И особенно к тем, кого подсознательно невзлюбили. В число таких, увы, попал и Максим Белый.

– Сегодня в порядке подготовки к экзаменам мы повторим с вами некоторые темы и порешаем наиболее сложные задачи, – сообщила Ирина Сергеевна. – Дежурный, кого нет? – впервые оторвала голову от журнала математичка.

– О, Белый вернулся! – радостно воскликнула она. – Наслышана, наслышана. И о тебе, и об отце.

– При чем здесь отец? – вспыхнул Макс.

– К доске, Белый, к доске.

– Но, Ирина Сергеевна, он сегодня первый день. Давайте уж я, – предложил себя в жертву Сергей.

– Ты, Огоньков, свою «пару» успеешь получить. Сиди, борец за справедливость. Я же сказала – будем повторять, так как повторение крайне полезно каждому. Ты сам как думаешь? – обратилась она с вопросом к уже вышедшему к доске ученику.

– Не знаю, – пожал плечами подросток. – Это как таблицу умножения повторять. Полезно, но нудно.

– Ладно, не будем спорить. Посмотрим, что полезно и что нудно, – затем резко обратилась она на звук: – Что такое?

Это, предвкушая необычную забаву, фыркнула кое-что уже видевшая Татьяна.

– Итак, запишем условия задачи под номером... Или нет.

Она посмотрела на безмятежную жертву и, почувствовав какой-то подвох, изменила свои планы.

– Записывайте, а ты пока отойди, пожалуйста, – и Стервоза, сверяясь с конспектом, вывела довольно длинное заковыристое уравнение.

– Приступим, – скомандовала экзекуторша. – А ты, Белый, пожалуйста, решай у доски.

– Но так нечестно! – взвилась сидевшая на передней парте Кнопка – самая младшая и самая маленькая из девчат, безнадежно и безответно влюбленная в Максима. – Белый только пришел. Мы при нем таких уравнений не решали.

– Если он хорошо помнит предыдущую тему, то сможет решить и это. В математике все последовательно вытекает одно из другого, – с деланным спокойствием холодно ответила Стервоза. – А по поводу честности... Белый освобожден от экзаменов. Это вам известно. И получит среднюю оценку по итогам года и четверти. Поэтому будет как раз справедливо, если он будет все-таки стараться, как и вы. У нас нет и не будет скидок и поблажек сыновьям героев.

– Что-то герои ей не по душе. Вот заело, – намеренно громким шепотом прокомментировал это заявление все тот же Сергей.

– Встань и выйди из класса, – вспыхнув,отреагировала учительница. – И дневник на стол.

– Пожалуйста. И напишите, что Вам не нравятся герои. Не какие-нибудь литературные, а настоящие.

– Сядь и не пори глупостей, – поняв, что сказала лишнее, примирительно повелела молодая женщина. – Ну, с чего думаешь начать? – перевела она взгляд на доску. – Постой. Это что?

– Это ответ, – стараясь выглядеть равнодушным, ответил Максим.

– Ответ, ответ, – ошарашенно пробормотала учительница, заглянув в конспект. – Но откуда он у тебя?

– Решил.

– Как? Где... где решение?

– В уме...

– Мал еще издеваться. Что за выходки? Подсмотрел, пока дружок твой меня отвлекал? – нашла она приемлемую разгадку.

– Но честное слово...

– Еще и врать вздумал? Цирк устраивать? Будет тебе цирк. До самых каникул. Будет тебе средняя.

– Но, Ирина Сергеевна! Дайте еще задачу, проверьте.

– Хорошо, отойди, – не доверяя никому и чуть заглядывая в конспект, она начертала еще более хитроумное уравнение.

– Ну, решай.

Ученик провел взглядом по выстроившимся рядам букв и цифр, смешно нахмурил не знающий морщин лоб.

– Скобка вот эта точно здесь? – спросил он.

Учительница заглянула в конспект и, вспыхнув, молча переставила злосчастную скобку.

– Тогда вот так, – Макс взял мел и вывел краткую формулу.

Преподавательница уже знала ответ, но еще раз сверилась с конспектом и невольно кивнула головой. В классе захихикали.

– Еще? – предложила учительница.

– Давайте, – согласился ученик.

– Еще, – послышалось через несколько минут.

– Давайте.

– Еще...

– Как в «очко» дуются. Словно прикуп берут. «Еще, еще» – уже давно перебор, – сдержил Максимов друг.

Он понял, что сейчас можно, что «укрощение строптивой» на конечной стадии, и пантера никого растерзать уже не в состоянии, кроме самого укротителя.

– Действительно, мы увлеклись, – пришла в себя Ирина Сергеевна. – Конечно, фокус очень забавный. Очень, – повторила она, собираясь с мыслями. – Но как ты понимаешь, задач ты не решил.

– То есть как не решил? – прикинулся обиженным Макс, посмотрев на Татьяну.

Повторялась та же история.

– Ты должен привести решение, а не ответ. А вот решения я не вижу.

– Ни в одной задаче не написано «приведите решение», написано «решите» или «преобразуйте», – повторил свою аргументацию юноша.

– Это так. Но все-таки, скажем, в целях помощи твоим одноклассникам, а заодно и для проверки правильности решения я прошу тебя привести решение ну хотя бы вот такой задачи, – и учительница вывела новое трехэтажное уравнение:

– Постарайся до конца урока.

– Если скобки стоят правильно, – вновь съязвил со своей парты Сергей, остальные сочувственно захихикали.

– С тобой у нас отдельная песня.

– Вот сначала ответ, – вывел краткую формулу ученик.

– Мог бы и не утруждать себя. В правильности ответов мы уже убедились. Непонятно, как они получаются. В чем фокус?

Максим не обижался. Он применял ранее столько уловок и проявлял такую изворотливость в передирании классных, домашних и контрольных работ, что вполне понимал недоумение своей визави. Он, стараясь притормозить бегущую строку, быстро выводил преобразования, которые последовательно проявлялись в его сознании.

– И, наконец, вот так, – подвел он итог, вновь выводя ответ.

Воцарилась тишина. Одни смотрели на учительницу, другие, кандидатки в медалистки, поспешно переписывали формулы с доски в тетрадь, третьи, не «въезжая» в происходящее, пялились на нового вундеркинда. Ирина Сергеевна заворуженно смотрела на доску. Да, она не любила учеников, не любила эту школу, не любила этот гарнизон. Но она обожала, боготворила математику. И то, что она видела сейчас на доске, было если не целой мелодией, то аккордом какой-то захватывающей, упоительной музыки. Аккордом, который не то подобрал, не то сочинил, не то украл у настоящего композитора вот этот бездарь. Учительница вскочила, бросилась к доске, мазнула тряпкой по решению и выскочила из класса.

– Ну, ты молоток, – восхищенно отреагировал Сергей. – Здорово нашей фифе нос утер.

– Максим, я не совсем въехала в последнее преобразование, а тут она стерла, – обратилась к проходящему мимо ее парты победителю Кнопка. – Подскажи.

Звонок оборвал математические искусства. Торжествующая весна звала на волю – благо двухэтажная школа позволяла, почти не затрачивая драгоценного времени, вырываться на школьный двор каждую перемену. Конечно, на этот раз гвоздем программы был Максим.

– В чем фишка? – допытывались одноклассники.

– Просто Сергей конспект у Стервозы сдул и решения мне по рации диктовал, – хохмил Макс.

– Ну да, микрофон в ручке, а динамик прямо в доске. Не видели, как он к доске прислонился? – подыгрывал Сергей.

Не видевшие этого фокуса наяву ребята из соседних классов разнесли новость о новой хохме этого дуэта. Впрочем, наиболее трезвомыслящие сомневались. Слишком уж «Операцией БИ» пахло. Но какие все-таки короткие весенние перемены!

На следующий урок – геометрии – Стервоза пришла с неожиданным гостем – директором школы. Большая, грузная женщина отличалась строгостью, твердыми принципами школьного поведения, но в то же время – добротой и все-таки любовью к детям. Ученики чувствовали это, уважали свою директрису, гордились своей «Грин» и тоже ее любили – в той степени, в которой школьник вообще может любить своего директора школы. Класс затих.

– Садитесь-садитесь, – пробурчала Инесса Григорьевна, пробираясь по тесному для нее проходу на «камчатку».

Там она села на пустующую парту прогуливающего математику Нечипора и, по словам наблюдавших исподтишка за ней соседей, «стала ждать разворота событий».

– Что же, продолжим, – словно ничего не случилось, обратилась к классу преподаватель. – Сегодня мы повторяем пройденное. Белый, так как тебе это особенно необходимо, будем вспоминать вместе. У доски. Иди сюда, пожалуйста.

Присутствие директора не давало возможности возмущаться этой экзекуцией. Да и без ее ведома вряд ли посмела бы учительница такое самоволие.

– Посмотрим, не прорежется ли у тебя талант и к геометрии, – все-таки иронизировала она. – Давай попробуем решить вот эту задачу, – она протянула отдельный листок.

– Выдрала из конспекта заранее. Без решения, – догадались многие.

Максим невозмутимо начал вычерчивать пирамиду. Когда закончил чертить, написал цифровую комбинацию и сказал:

– Ответ такой.

– Ну, вот опять, – пожаловалась директрисе учительница.

На этот раз пожала плечами Инесса Григорьевна.

– Попробуй решить вот это, – предложила директриса, протягивая какой-то лист из своего конспекта. – И не рисуй. Это, я вижу, у тебя больше времени отнимает, чем решение. Давай, думай.

– Уже подумал, – улыбнулся Макс. – Пятнадцать.

– Верно. Но это для старшего класса. Экзаменационная. На основе материала, который вы не проходили.

– Я же говорю, здесь какой-то фокус, – вмешалась учительница.

– Подождите, – отмахнулась от нее Грин. – Что скажешь? – спросила она ученика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.